

УДК 908(450)
ББК 26.89(4Ита)
М97

Frances Mayes

UNDER THE TUSCAN SUN

Copyright © Frances Mayes, 1996. This edition published by
arrangement with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency.

Мэйес, Фрэнсис.

М97 Под солнцем Тосканы / Фрэнсис Мэйес ; [перевод с английского Е. В. Топчий]. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с. — (Хьюге. Уютные книги о счастье).

ISBN 978-5-04-102084-2

Тоскана — настоящий рай на земле, уникальное сочетание истории, культуры и традиций. В этот регион Италии хочется возвращаться снова и снова. Что и сделала Фрэнсис Мэйес. Не устояв перед соблазном купить фермерский дом в окрестностях Кортоны, она вырвалась из суеты Сан-Франциско и решила наслаждаться солнцем, ароматами фруктов и трав, изучать этрусские традиции, мечтать и постигать тонкости местной кухни.

Прекрасный язык автора, обилие деталей, яркий колорит, сезонные рецепты — вместе с Мэйес ты будто отправляешься в путешествие по живописным уголкам сельской Италии, становишься сопричастной к классической архитектуре и заново открываешь себя.

Культовый бестселлер на протяжении 25 лет.

УДК 908(450)

ББК 26.89(4Ита)

© Топчий Е.В., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-102084-2

Посвящается Энн Корнелисен

Содержание

Предисловие	9
Вгамме: Страстно желать	14
Дом и земельный участок, для вспашки которого двум волам потребуется два дня	41
Сестрица Вода, братец Огонь	65
Заросший фруктовый сад	96
Жужжание солнца	113
Festina tarde: Торопись медленно	135
Длинный стол под деревьями	158
Заметки о летней кухне	183
· Итальянские закуски. Ассорти	185
· Первые блюда	188
· Вторые блюда	193
· Гарниры	198
· Сладости	201
Благородный город Кортона	204
Riva, Maremma: Берег, Маремма.	
В самую глушь Тосканы	234
Стать итальянцем	264

Зеленое масло	284
Мир головокружительной радости: Зимний сезон	300
Заметки о зимней кухне	321
· Закуски	324
· Первые блюда	327
· Вторые блюда	331
· Гарниры	336
· Сладости	339
Розы и прогулки	342
Sempre pietra: Всегда камень	352
Сувениры лета	373
Solleone: Самое жаркое время года	389
Ben tornati: С приездом	402

Предисловие

— Что у вас тут растет? — Обойщик тащит кресло вверх по дорожке к дому и быстро оглядывает наш участок земли.

— Виноград и оливковые деревья, — отвечаю я.

— Ну, виноград и оливковые деревья — это понятно, а что еще?

— Травы, цветы — мы ничего не собираемся тут выращивать.

Обойщик ставит кресло на влажную траву и обводит взглядом террасы со старательно подрезанными оливковыми деревьями и виноградником, который мы недавно обнаружили и пытаемся возродить.

— Сажайте картофель, — советует он, — ему никакого ухода не надо. — И указывает на третью террасу: — Вон там, на солницеке, самое место посадить картофель. И красный можно, и желтый.

И вот мы уже копаем себе на обед картошку. Выкапывать эти картофелины очень легко, совсем как отыскивать в траве пасхальные яйца. Меня удивляет, какие они чистые: достаточно сполоснуть водой — и засверкают.

И так же легко у нас получается почти все, с тех пор как мы за последние четыре года преобразовали

этот заброшенный дом и участок в Тоскане. Мы смотрим, как Франческо Фалько, почти всю свою жизнь — семьдесят пять лет — ухаживавший за виноградником, закапывает побег старой лозы, чтобы из него пошла новая. Мы делаем то же самое. Виноградник процветает. Мы, иностранцы, осевшие на этой земле, хватаемся за все. Почти все мы сделали своими руками; и это нам удалось, как сказал бы мой дедушка, благодаря нашему полному невежеству.

В 1990 году, в наше первое лето на собственной ферме, я купила огромную книгу для записей в обложке из флорентина и с синим кожаным корешком. На первой странице я написала: «ИТАЛИЯ». В такой роскошной книге уместнее всего было бы записывать бессмертную поэзию, но я с самого начала заполняла ее перечнем видов местной флоры, списками наших проектов, новыми словами, набросками с мозаик Помпей. Я описывала комнаты, деревья, птичий щебет. Я вписала сюда рекомендацию: «Сажать подсолнечник, когда Луна будет в знаке Весов», хотя не имела ни малейшего понятия, когда это должно быть. Я писала о людях, которые нам встречались, и о блюдах, которые мы готовили. Книга стала хроникой наших первых четырех лет, проведенных здесь. Сегодня в ней хаотическое собрание разных рецептов, открыток — репродукций картин, набросков, планировка первого этажа аббатства, итальянские стихи и схемы нашего сада. Но книга достаточно толстая, в ней хватит страниц еще на несколько летних сезонов. Теперь синяя книга превратилась в книгу «Под солнцем Тосканы». Ремонт дома, потом его обустройство, приведение в порядок запущенных олив и виноградника,

обследование Тосканы и Умбрии, приготовление блюд чужой кухни и открытие множества связей между едой и культурой, все эти искренние радости порождают более глубокое удовольствие — обретение умения жить по-другому. Закопать побег виноградной лозы, и этим дать ей новое рождение — вот внятная метафора того, как следует время от времени менять жизнь, если хочешь продвинуться в своем развитии.

В эти первые июньские дни мы должны очистить террасы от сорняков, чтобы избежать риска пожаров, когда грянет июльская жара и все кругом высохнет. За моим окном трудятся трое мужчин с машинами для выкашивания сорняков; машины гудят, как гигантские пчелы. Доменико прибудет завтра, он обработает террасы дисковым культиватором, вернув срезанные сорняки в почву. Его трактор ходит по тем кольцевым маршрутам, которые еще в древности проложили быки. Это такой цикл летних работ на земле. Да, машины для выкашивания и дисковый культиватор сделают все эти работы быстрее, но меня тянет к старинному ритуалу. Италия насчитывает тысячи лет истории, а тут, на самом верхнем слое ее земли, стою я, на своем небольшом участке, и восхищаюсь дикими оранжевыми лилиями, разбросанными по склону холма. Пока я восхищаюсь цветами, идущий по дороге старик останавливается и спрашивает, живу ли я тут. Он говорит мне, что хорошо знает эту землю. Замолкнув, старик смотрит на каменную стену, потом тихим голосом договаривает: тут расстреляли его семнадцатилетнего брата по подозрению в том, что он партизан. Я знаю, что мысленно старик видит не мой розовый сад, не мою живую изгородь из лаванды

и шалфея. Память унесла его в далекое прошлое. Он посылает мне воздушный поцелуй. «Прекрасный дом, синьора». Вчера я обнаружила под оливковым деревом заросли голубых васильков: видимо, там упал расстрелянный юноша. Откуда взялись эти цветы? Дрозд выронил семечко? Разрастутся ли они на следующий год за край террасы? Обжитые места перемещаются по синусоидальным волнам времени и пространства, изгибающимся по какой-то логарифмической зависимости, и я подчиняюсь этому же закону.

Я открываю синюю книгу. Какое удовольствие — делать записи об этих местах, о своих наблюдениях, странствиях, ходе ежедневной жизни. Много веков назад китайский поэт заметил: воссоздавая что-то словами, как будто проживаешь это заново. Вероятно, стремление к переменам всегда вызвано желанием расширить сферу своего духовного пребывания. Такая сфера пребывания души и описана в книге «Под солнцем Тосканы». Я надеюсь, что мой читатель — это друг, пришедший в гости. Он учится насыпать горкой муку на мраморную столешницу и вмешивать в нее яйцо. Он просыпается от четырехкратного призыва кукушки и, напевая, спускается с террас к винограднику. Он собирает сливы в банки. Он едет со мной в города, выстроенные на холмах, — там круглые башни и из окон домов льется каскад цветущей герани. Он хочет застать тот первый день, когда на оливковых деревьях появятся плоды. Ветер овеивает нагретые солнцем мраморные статуи. Как старые крестьяне, мы можем посидеть у очага, поджаривая ломти хлеба с маслом и потягивая молодое вино кьянти. Вернувшись после посещения келий

девственниц эпохи Возрождения, проехав по пыльным окольным дорогам Умбрии, я готовлю на сковородке маленьких угрей, жарю их с чесноком и шалфеем. Нам прохладно под фиговым деревом, где свернулись клубком два кота. Я сосчитала: голубь проворковал шестьдесят раз в минуту. Возвышающаяся над нашим домом стена поставлена тут этрусками в восьмом веке до нашей эры. Нам есть о чем поговорить. Времени у нас достаточно.

Кортана, 1995

Bramare: Страстно желать

Я собираюсь купить дом в чужой стране. У дома прекрасное имя — Брамасоль. Это высокий квадратный дом цвета абрикоса, с выцветшими зелеными ставнями, с крышей под старинной черепицей, на втором этаже есть железный балкон, и восседающие на нем дамы с веерами могут наблюдать за тем, что происходит внизу. Внизу же — вал, заросший кустами шиповника, переплетенными ветвями роз, и сорняками высотой по колено. Балкон выходит на юго-восток, с него открывается вид на глубокую долину и далее на Тосканские Апеннины. Когда идет дождь или меняется освещение, фасад дома приобретает цвет золота или охры; предыдущая алая штукатурка постепенно осыпается на розы. Там, где штукатурка уже осыпалась, проглядывает шероховатый камень. Дом расположен на склоне холма, изрезанном террасами с фруктовыми и оливковыми деревьями, и высится над strada Bianca — белой дорогой (она усыпана белым гравием). Название Брамасоль происходит от слов bramare — «страстно желать», и sole — «солнце». И я, так же как этот дом, всей душой желаю солнца.

Семейная мудрость настойчиво отвергает мое решение. Моя мать сказала «нелепо» со своим категоричным и сильным нажимом на второй слог, а мои сестры волнуются,

будто мне восемнадцать лет и я вот-вот сбегу с матросом в семейном автомобиле. Меня и саму-то гложут сомнения. Мы сидим в комнате ожидания офиса notaio's — нотариуса. При каждом движении острые кончики конского волоса из набивки стульев колют меня сквозь тонкое белое льняное платье, а в этой комнате, где температура под сорок, спокойно не посидишь. Я подглядываю, что пишет Эд на обратной стороне квитанции. Пармезан, салями, кофе, хлеб. Как он может? Наконец синьора открывает дверь, и на нас изливается бурный поток ее итальянской речи.

Словом notaio обозначается всего лишь юридическое лицо, которое в Италии осуществляет сделки с недвижимостью. Наша нотариус — синьора Мантуччи — небольшого роста неистовая сицилийка, в очках с толстыми затемненными стеклами, за которыми ее зеленые глаза кажутся огромными. Я не слышала, чтобы кто-нибудь говорил быстрее, чем она. Она зачитывает нам вслух длинные формулировки законов. До сих пор я думала, что итальянский язык музыкален; ее же итальянский — это грохот камней, катящихся по желобу. Эд смотрит на нее с восторгом; я понимаю, его пленил звук ее голоса. Владелец недвижимости, доктор Карта, вдруг решил, что запросил слишком мало; иначе и быть не может, раз мы согласны на покупку. Мы же считаем его цену завышенной. И даже знаем, что она непомерно высока. Сицилийка не умолкает; ее никто не смеет прерывать, кроме бармена Джузеппе. Он внезапно распахивает дверь, неся в руках поднос; он как будто удивлен тому, что застал тут перекосившихся в замешательстве клиентов-американцев. Он принес синьоре крошечную чашку эспрессо, которую она опрокидывает одним махом, не делая паузы